

**К ИСТОЛКОВАНИЮ ОНЕГИНСКОЙ СТРОКИ
«ОДНУ РОССИЮ
В МИРЕ ВИДЯ»**

11 августа 1832 года Александр Иванович Тургенев отправил из Мюнхена в Париж к брату своему Николаю письмо, в котором писал:

«Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает между прочим о тебе:

*Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян,
Освободителей крестьян»¹*

Об этом шестистишии, завершающем знаменитую онегинскую строфу о Лунине, самом Пушкине и Якушкине, написано немало². Обычно обсуждение строк, приведенных в письме А. И. Тургенева, идет в двух основных руслах — отношения Пушкина с ранним декабризмом и разветвление гипотез вокруг так называемой X главы «Евгения Онегина». Мы начнем с того, что попытаемся выйти из этих обычных направлений и обратим внимание на одну маленькую особенность текста.

В Большом академическом собрании сочинений разбираемое шестистишие приведено в двух вариантах — по автографу Пушкина (VI, 524) и по письму А. И. Тургенева (VI, 526). Судя по этой публикации, в строке — «Одну Россию в мире видя» — разночтений нет. Между тем, разночтение есть и, кажется, очень важное. В этом случае плохую услугу оказывает нам переход от старой орфографии к новой.

В тексте письма А. И. Тургенева в слове «мир» стоит «i» — так называемое «и десятеричное». Так принято было писать слово «мир» в значении «вселенная», «весь свет», «род человеческий»³. Если принять такое написание, то «хромой» Тургенев выступает как крайний патриот, который ничего на свете не видит, кроме своего отечества.

В пушкинском автографе⁴ правильным чтением будет «мир» через букву «и», «иже», т. е. совпадающую по начертанию с современным «и». Ситуация в автографе несколько осложнена тем, что разбираемое слово вписано над строкой. Но «и десятеричное» в нем никак не читается. Так, первый публикатор строки П. О. Морозов, твердо выявив букву «иже», предложил такое неожиданное чтение: «Одну Россию в иге видя»⁵.

Верное прочтение автографа впервые ввел Б. В. Томашевский, опубликовавший в 1934 году свою работу о X главе в «Литературном наследстве». В пушкинском тексте, воспроизведенном по старой орфографии, он уверенно дает «в мире» через букву «иже»⁶. Исследователь не аргументирует своего решения, но оно напрашивается: слова «в мире» стоят над зачеркнутым «в шастье». А это синонимично как раз обороту «в мире» в значении: «покой», «тишина», «лад», «согласие» и т. д.⁷. Томашевский был подготовителем и комментатором онегинского текста в Большом академическом собрании, и остается только гадать, почему он, давая и тургеневский, и собственно пушкинский варианты, не обозначил известного ему разночтения.

Итак, Пушкин рекомендует нам «хромого Тургенева» как ревнителя России в покое, согласии и единодушии. От этого Николай Иванович, конечно, не перестает быть патриотом, но все-таки неясно: почему умеренный либерал и будущий западник видит счастье и покой для «одной России», а не для всей любезной ему семьи европейских народов?

Таким образом, перед нами две редакции одной строки. Казалось бы, первую редакцию, где Россия в мире-вселенной, можно отбросить, как противоречащую автографу. Но с нее-то мы и начнем, т. к. именно версия письма А. И. Тургенева была в ходу у современников Пушкина, не знакомых с автографом; кроме того, она же объясняет происхождение всей строки «Одну Россию в мире видя».

Патриотический порыв «хромого» Тургенева, как он представлен у Пушкина, должен был удивлять читателей потаенного «Онегина». И сразу после 1812 года, и позже они знали

Николая Ивановича совсем другим. Его «идеалом» никак не может быть Россия. Вот — почти наугад — одно из многочисленных подтверждений. В конце февраля 1818 года в чужие края собирается общий приятель Пушкина и братьев Тургеневых — Н. И. Кривцов. По этому поводу Николай пишет брату Сергею: Кривцов «говорит, что печально ему расставаться с Россиею. Я напротив нахожу, что, может быть, ни в какую другую эпоху разлука с Россией не была так Willkommen⁸. Ни действительности, ни надежд!»⁹. Так не может судить человек, чей идеал — Россия. Николая Тургенева, одного из лидеров «Союза Благоденствия», 14 декабря застанет, как известно, за границей. Там он, лишенный возможности вернуться в отечество, еще не раз скажет о России горькие слова, полностью отрицающие смысл пушкинских строк о России-идеале. Достаточно будет напомнить, как Николай Иванович обиделся на Пушкина, прочитав шестистишие о себе в 1832 году. Мнение Пушкина он сравнивал с мнением варваров-судей, ведших процесс декабристов. Комментируя свой портрет, нарисованный поэтом, опальный эмигрант пишет: «Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, и при всем том быть варваром. А Пушкин и все русские, конечно, варвары».¹⁰

Если «хромой» Тургенев так яростно ругает Россию и русских и в 1818, и в 1832 г.г., то действительно можно подумать, что Пушкин зря приписывает ему русофильство. Но на самом же деле взгляды Н. И. Тургенева не развивались по прямой линии, и автор «Онегина» имел все основания доверять тому, что сам видел и слышал в 1819 — 1820 годах.

Как раз в это время в сознании Николая Ивановича происходит резкий, хотя и недолгий, сдвиг. Подобно герою пушкинского романа, Тургенев однажды утром просыпается «патриотом». След этого перелома ясно виден в его дневнике, куда под 2 января 1819 года внесен отрывок из письма к Михаилу Орлову: «Я весь состою из одной идеи — *беспредельная любовь к отечеству!*» И далее: «Я ничего не вижу в жизни, кроме этого прелестного идеала, называемого отечеством»¹¹. Здесь не место разбирать характер декабристского патриотизма — нам важно только подчеркнуть большую осведомленность Пушкина в идейных эволюциях Тургенева.

Комментатор переписки братьев Тургеневых А. Н. Шебунин давно высказал предложение, что есть прямая связь между строкой «Одну Россию в мире видя» и текстом, принадлежащим перу Николая Тургенева¹². Речь идет о статье «От издателей», которую Николай Иванович предназначал для задуманного им

журнала «Россиянин XIX века» (другое название — «Архив Политических наук и Российской Словесности»). В статье, в частности, содержится такой важный для нашей темы пассаж: «Добрый смысл Русского народа, так сказать, инстинкт величия, спасавший наше отечество в эпохи бедствий и разрушения, никогда не оставит Россию, будет ей сопутствовать и направлять ее на поприще гражданственности»... «Есть одна только Россия в мире; и она не должна иметь себе равной», — сказал Петр Первый».¹³

Афоризм Петра I в пересказе Н. И. Тургенева Пушкин должен был знать — поэт не только был приглашен сотрудничать в журнале, но и участвовал в собрании его будущих авторов, где программная статья «От издателей» могла ходить по рукам и даже обсуждаться. Разумеется, Петр здесь видит одну страну в мире через «и десятеричное» — весь контекст фразы говорит о России среди других держав, а не о России в покое и единодушии, чего нельзя было и ожидать от Петра-реформатора.

Установив вслед за А. Н. Шебуниным зависимость онегинской строки от указанного источника, можно было бы не продолжать комментарий. Но тогда остается необъясненным смысл автографа: слово «мир» все-таки писано в нем через букву «иже», и Н. И. Тургеневу предлагается совсем другой «идеал» — идеал России в покое и согласии. Что здесь — простая описка? Или Пушкин сознательно корректирует хорошо известные ему обстоятельства?

Думается, об описке или ошибке Пушкина не может быть и речи — скорее от нас до сих пор ускользал какой-то смысловой оттенок. Выявление этого оттенка, как мы постараемся показать, наполняет все выражение «Одну Россию в мире видя» иным, совершенно неожиданным содержанием. Чтобы это понять, попробуем объяснить начальную фразу строки: «Одна Россия». Ибо она вводит нас в круг традиционных понятий, ныне уже полузабытых, а то и вовсе утраченных.

Вот пример, который поможет выявить существо дела.

В 1802 году Н. М. Карамзин, только что начавший исторические изыскания, опубликовал в своем журнале «Вестник Европы» длинную статью под названием: «Исторические воспоминания и размышления на пути к Троице». Эта статья — важное промежуточное явление карамзинского творчества. С одной стороны, она отголосок «Писем русского путешественника» — все философские и нравственно-исторические замечания принадлежат здесь путнику, сделаны как бы

под стук колес кареты. С другой стороны, это обширный эскиз к будущей «Истории Государства Российского» — путь пролегает от Москвы к Троице-Сергиеву монастырю, и путешественник беседует с читателем о прошлом России.

Вот как Карамзин передает одно из своих впечатлений:

«Верст за семь от Троицы открываются, среди зеленых лесов, златые главы церквей ее, вокруг огромной колокольни, подобной величественному столбу. — Я въехал на гору Волокушу... Русские Патриоты! Это место должно быть вам известно. Здесь Архимандрит монастыря Троицкого благословлял крестом и кропил святою водою достойных сынов России, которые с Вождем Пожарским и Гражданином Мининым шли освободить Москву от чужестранных тиранов!.. Я стал на вершине горы — и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распущенных знамен, украшенных именем городов, которых добрые жители шли под ними: Нижнего Новгорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира и проч. Мне казалось, что я вижу сановитого Пожарского среди мужественных воевод его, и слышу гром оружия, которому через несколько дней надлежало грянуть во имя отечества!.. *Русские были тогда сиротами: не имели Государя, и сражались за одну Россию*»¹⁵.

Таким образом, «одна Россия» — это Россия без государя, без царя.

Карамзин здесь находится в русле очень древней отечественной традиции, когда монарх и подданая ему страна воспринимаются народным сознанием как супружеская чета. Священная пара «царь-батюшка и Россия-матушка» еще и сегодня — понятный всем архаизм. Та же традиция легко различима в пословицах, собранных Владимиром Далем в его словаре: «Без царя и народ сирота»¹⁶. «Без царя земля вдова»¹⁷. Еще пример: на смерть Петра Великого была выбита медаль, на которой Россия изображалась в виде прекрасной женщины, окруженной морскими просторами, кораблями, атрибутами наук, искусств, ремесел; с парящего облака Петр Великий обращался к России — вдове со словами: «Виждь, какову оставих тя»¹⁸.

Пушкинское «Одну Россию в мире видя» очень близко сходствует с изображением и надписью «виждь» на этой медали.

Нетрудно было доказать, что Пушкин хорошо знал все приведенные источники — и пословицы, и карамзинское эссе, и петровскую геральдику. Но в этом нет необходимости, потому

что строка из «Онегина» — не результат знакомства автора с какими-то конкретными текстами, а дань самым общим, самым расхожим и массовым представлениям, бытовавшим в XVIII—XIX столетиях. Их отзвук хорошо слышен даже в знаменитом четверостишии «Медного всадника»:

*И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова (V, 136).*

Сравнение Москвы со вдовою основано на том, что эта столица олицетворяет старую Россию, которую покинул царь Петр. У Карамзина сиротство и вдовство отечества возникают как следствие бесцарствия в «смутное время», а в «Медном всаднике» старомосковская Русь вдовевает в эпоху империи. Для нас важно только понять, что исходная формула «Одна Россия» может традиционно заключать в себе понятие о державе без монарха.

Тогда общественная позиция, которую Пушкин отмечает у Николая Тургенева, обозначается так: Россия без царя, но «в мире», то есть в покое, в согласии. Осталось только понять, как это соотносится с реально выраженными взглядами декабриста.

Если подводить общий итог политической жизни Николая Ивановича, то придется признать, что «хромой Тургенев» не был в рядах крайних республиканцев. Он скорее либерал, умеренный сторонник конституционной монархии на английский манер. Как бы там ни было, но антимонархизм, стремление к «одной России», России без царя на престоле — вовсе не может считаться главным и отличительным признаком тургеньевского государственного «идеала». Здесь, как и в случае с патриотизмом, необходимо отделять общие, суммарные представления от конкретной реальности 1819 — 1820 годов. Именно это время сопровождалось для тридцатилетнего Тургенева неожиданной вспышкой любви к отечеству и столь же неожиданным приступом республиканизма.

Ключевой эпизод, своеобразную вершину антимонархизма Николая Тургенева запечатлели для истории показания П. И. Пестеля в следственном комитете по делу декабристов. В них рассказан случай, происшедший на заседании Коренной думы Союза благоденствия в 1819 году. В докладной записке царю следователи так изложили результаты допроса:

«Полковник Пестель в показании своем между прочим объясняет, что в совещании коренных членов Союза благоден-

ствия, собранных в 1819 году в Петербурге на квартире полковника Федора Глинки, присутствовали: граф Федор Толстой в качестве председателя, князь Илья Долгорукий в качестве блюстителя, Николай Тургенев, полковник Федор Глинка, полковник Иван Шипов, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев и Пестель, что в сем совещании князь Илья Долгорукий именем всех присутствующих членов пригласил полковника Пестеля изложить все выгоды и невыгоды монархического и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член касательно того, которое из сих двух образов правлений считает удобным ввести в России, объявил свои суждения и мнения»²⁰.

Речь Пестеля, видимо, была сильна и увлекательна. Он с такой логикой и страстью защищал республиканский образ правления, что поколебал даже оппонентов, сторонников ограниченной монархии. Когда членам коренной думы предложили выбрать между монархом и президентом, то все высказались единодушно.

«Каждый из присутствующих, — говорилось в докладной записке, — при сем объяснял причины своего выбора, а когда очередь дошла до Николая Тургенева, то он сказал по-французски: *Le president sans phrases*, т. е. президент без дальних толков»²¹.

Несколько позже и Матвей Муравьев-Апостол подтвердил, что «Николай Тургенев одобрял намерение ввести республиканское правление»²².

Республиканизм Тургенева на рубеже 1819 — 1820 г.г., таким образом, не подлежит сомнению — в это время Николай Иванович, как видим, стоял за «одну Россию», Россию без государя. Вопрос только в том, мог ли об этом знать Пушкин. Конечно, члены тайного общества не знакомили его с ходом своих дебатов. Но, во-первых, близкое приятельство с «хромым» Тургеневым давало Пушкину возможность чувствовать перемены в его политических воззрениях. Во-вторых, все-таки не будем забывать, что посвященное Тургеневу шестистишие поэт написал десятилетие спустя, когда многие подробности истории декабристов перестали быть тайной²³.

От Пушкина скрывали существование общества, но республиканские идеи, взгляды при нем, конечно, высказывали свободно. В письме Александру Тургеневу, написанном как раз в 1819 году, Пушкин называет его братьев — Николая и Сергея — «братьями Мирабо»²⁴. Сравнение весьма обязывающее и в отношении Николая Тургенева удивительно точное. Мирабо,

один из лучших ораторов Великой Французской революции, шел с республиканцами, но все-таки не порывал и с королевским двором; колебался между роялистами и революционным национальным собранием. Если отбросить личную нечистоплотность Мирабо, то на его политический портрет Николай Иванович мог бы смотреть как в зеркало — и именно в то время, которому посвящены декабристские строки «Онегина». Крайняя точка радикализма Тургенева, обозначенная идеалом «одной России», России без царя, не прошла для Пушкина незамеченной.

Напомним контекст, в котором обсуждаемая строка существует в строфе:

*Меланхолический Якушкин
Казалось молча обнажал
Цареубийственный кинжал
Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой Идеал²⁵,
Хромой Тургенев им внимал...* ([VI, 524).

Думается, смысловая последовательность «цареубийственный кинжал» и «одна Россия» здесь не случайность, а прямое развитие темы. Ибо как раз применение цареубийственного кинжала и приводит к ситуации без государя в стране — к «одной России». Не менее существенна строка «Хромой Тургенев им внимал...». В ней отражена известная Пушкину способность Николая Ивановича на мгновение увлечься чужим мнением, куда более радикальным, чем его собственное. Что и подтверждается рассказанным эпизодом после речи Пестеля.

Таким образом, реконструкция характера и взглядов Н. И. Тургенева, как они сложились в 1819—1820 г.г., в онегинской строфе вполне достоверна; во всяком случае, она согласуется с твердо установленными фактами...

В заключение попробуем ответить на старый вопрос, давно поставленный исследователями, почему Николай Тургенев обиделся на Пушкина, прочитав о себе потаенные онегинские строки? Например, Б. В. Томашевский полагал, что дело тут вовсе не в стихах — Тургенев «протестовал против самого факта, не допуская, чтобы Пушкин, о котором он составил себе мнение по другим данным, осмеливался произносить свое суждение по вопросам, в которых Тургенев считал его совершенно некомпетентным»²⁶.

Возможно, какая-то часть истины в суждении Томашевского заключена. Но все-таки обида Николая Ивановича выражена так резко, что вряд ли тут достаточно простого мотива:

Пушкин, мол, много на себя берет, это не его ума дело
Объяснение, нам кажется, лежит в иной плоскости

Н И Тургенев отдает должное Пушкину, понимает, что он первый поэт своего времени Отсюда и начало его инвективы — у Пушкина «талант для поэзии, много ума, воображения»²⁷ Тургенев помнит, как потаенными стихами Пушкина были буквально наводнены салоны и усадьбы, дворцы и казармы Поэтому ему совсем безразлично, каким он, Николай Иванович Тургенев, предстанет перед соотечественниками в его стихах Да еще и брат, Александр Иванович, подливает масла в огонь, называя эти пушкинские строки «бессмертными» Но в каком же виде Пушкин обессмертил Николая Тургенева?

Конечно, респектабельный либерал и космополит, критик России с позиций европейской образованности просто взбесился, когда Пушкин напомнил ему то прошлое, которое он как раз хотел бы забыть, вычеркнуть из памяти Тургенев издали поносит отечество, а Пушкин нехотая свидетельствует был патриотом Тургенев почитает русских дворян дикарями, варварами, а Пушкин — свое надеялся ведь, что дворяне сами мужиков освободят Тургенев высоко ставит оригинальность своего ума и своих соображений, а поэт подчеркивает его давнюю умственную зависимость от крайних декабристов «им внимал»²⁸ Бессмертие в таком виде не вызывало у Н И Тургенева ничего, кроме гнева и отвращения В системе своих понятий он прав, ничего нового тут нет — бесчисленное множество раз и до, и после Тургенева от исторических романов требовали свойств исторических монографий исчерпывающей полноты и абсолютной объективности И никогда не добивались

Нам же остается только глубже проникать в мощные культурно-исторические пласты, которые выходят на поверхность единственной онегинской строкой «Одну Россию в мире витья...»

Журнал Министерства Народного Просвещения» 1913 Ч XI IV Март С 16—17 (вторая пагинация)

²⁷ К сожалению, здесь нет места не только для историографии, но даже для библиографии Назовем лишь имена основных исследователей П О Морозов В Истрин Б В Томашевский А Н Шебунин Н Л Бродский Б С Мейлах Ю М Лотман А Е Тархов и др

²⁸ См Даль В Толковый словарь живого великорусского языка Т II М 1979 С 330—331

¹ Фотокопию см Литературное наследство 1934 № 16—18 С 391

² См Пушкин и современники Вып XIII

- ⁶ См.: Томашевский Б. Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // Литературное наследство. № 16—18. С. 396.
- ⁷ См.: Даль В. Толковый словарь... Т. II. С. 328.
- ⁸ Willkommen (нем.) — здесь в значении «вовремя», «в добрый час».
- ⁹ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 250.
- ¹⁰ Журнал МНП... С. 17.
- ¹¹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921. С. 183.
- ¹² См.: Шebuнин А. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи. // Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 72.
- ¹³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921. С. 379. На полях, видимо, рукой Н. И. Тургенева, сделана приписка: «Смотри речь Петра Великого после поражения шведского флота близ Аландского острова, в 1714 году» (подлинник приписки — по-английски).
- ¹⁴ Архив братьев Тургеневых... Вып. 5. С. 375; Пушкин Н. И. Записки о Пушкине. // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 томах. 1974. Т. I. С. 99—100.
- ¹⁵ Н. М. Карамзин. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. // Вестник Европы. 1802. № 15 (август). С. 225—226 (курсив наш — В. Л.).
- ¹⁶ Даль В. Толковый словарь... Т. IV. С. 570.
- ¹⁷ Там же. Т. I. С. 173.
- ¹⁸ Изображение этой медали см. в кн.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 213. Описание медали см.: Заворотная Л. А. Медали на события эпохи Петра I: Из коллекции А. А. Стаховича: Новые поступления в ГМИИ им. А. С. Пушкина: Каталог выставки. М., 1988. С. 70—71.
- ¹⁹ См.: в варианте: «И ты, Москва, страны родной / Глава, сияющая златом». Попутно напомним: вдова — не только женщина, у которой умер муж. Например, в отрывке «Мы проводили вечер на даче» Вольская представлена как «вдова по разводу» (VIII, 421). Или — «соломенная вдова».
- ²⁰ Восстание декабристов: Документы. Т. XVI. М., 1986. С. 89—90.
- ²¹ Там же. С. 90.
- ²² Там же. С. 187.
- ²³ Из восьми перечисленных участников заседания «коренной думы» Пушкин лично знал семерых: См. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л. 1988. С. 102, 142, 272, 274, 327, 439, 449.
- ²⁴ Пушкин. Письма. Т. I. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. С. 7, 192.
- ²⁵ Слово «Идеал» с прописной буквы приводим по автографу, отступая от текста Большого академического собрания сочинений.
- ²⁶ Томашевский Б. Указ. соч. С. 389.
- ²⁷ Журнал МНП... С. 17.
- ²⁸ А. И. Тургенев заранее понимал, что на выражение «им внимал» брат может обидеться, поэтому и написал здесь: «им», т. е. заговорщикам, и сказал ему (Пушкину — В. Л.), что ты и не внимал им и не знавал их (Журнал МНП... С. 17).

КОЛОМЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ**

Сборник научных трудов к семидесятипятилетию
Георгия Васильевича Краснова

Коломна
1996